

Хозяин Павильона Весеннего Дождя обладал способностью знать все в мире, но он все же был обычным человеком, и у него были чувства. Если он назначал цену в десять тысяч лян золота, это означало, что вопрос касался кого-то, кто был ему близок, и он хотел защитить этого человека. Примером был случай, когда кто-то спросил о местонахождении госпожи Тан, и этот вопрос также стоил десять тысяч лян золота.

Лэ Юй сказал:

— «Истинное удовольствие» — это «освобождение», а «злые мысли» — это «одержимость». Практикуя Сутру Истинного Удовольствия, что бы я ни делал, что бы ни вызывало презрение у других, это не имеет значения. Но есть одна вещь, которую нельзя допускать — это одержимость. Как только появляется одержимость, ты сразу сходишь с пути и становишься злодеем.

Сказав это, он махнул рукой. Все виды одержимости можно преодолеть, но самое сложное — это слово «любовь».

Это слово было слишком тяжелым, и Лэ Юй вспомнил обещание Гу Саня, сказал:

— Ты говорил о том враче, которого хотел мне представить?

В этот момент выражение лица Гу Саня стало мучительным, как будто ему влили в рот чашку горького лекарства с большим количеством корня коптиса. Он произнес:

— Ах...

Как будто это было огромной проблемой. Третий молодой господин Гу редко выглядел так виновато, и Лэ Юй спросил:

— Ты что, обманул меня?

— Нет, это не так, — Гу Сань оправдывался. — Он может подавить любовного гу, и я смог его уговорить. Скорее, он сам проиграл мне себя, и я не мог не принять его в качестве оплаты.

Лэ Юй спросил:

— Но?

Гу Сань с болью сказал:

— Но проблема в том...

Его лицо выражало крайнее смущение:

— Этот человек, увы, мужчина, и он влюблен в другого мужчину. Это не проблема. Проблема в том, что он влюблен в меня, а я не влюблен в него.

Тэнъи принесла новый складной веер в спальню Гу Саня и увидела, как Лэ Юй смеется над ним. Увидев ее, он стал смеяться еще сильнее, говоря:

— Не могу поверить... ты, Третий молодой господин Гу... попал в такую ситуацию!

Он не мог сдержаться, схватил веер и, смеясь, вышел из комнаты. Его движение было быстрым, как падающая звезда, и Тэнъи хотела было забрать веер, но ее рука осталась пустой. Она с подозрением спросила:

— Господин...

Гу Сань не посмел рассказать ей о враче и сухо сказал:

— Он болен.

Князь Цзинчэн провел два дня в городе Лянчэн, посетив храм Хуаюань за пределами города, чтобы помолиться за здоровье императора Чу, после чего с помпой отправился обратно в Цзиньцзин на официальном корабле. Его сопровождали солдаты, и на пристанях его ждали сотни лодочников.

Лунный свет был как иней, и река сверкала серебром. Лэ Юй, с крепким телосложением и в широкой одежде, спустился вниз, как перо. Вокруг было тихо, на полу лежал толстый ковер с узором из цветов камелии, занавески были подняты золотыми крючками. Лэ Юй сел за стол, налил себе чашку холодного чая и взял печенье, когда услышал голос Сяо Шанли:

— Вот так вор на балке!

Занавеска была отодвинута.

Лэ Юй сказал:

— Не смотри на меня так. Я трудился пять-шесть дней, разве нельзя съесть несколько печений? Они лежат здесь, каждый день их меняют, но ты их не трогаешь.

Сяо Шанли сидел на кровати и холодно сказал:

— Это мои печенья, даже если я их не ем!

Двумя шагами он подошел к Лэ Юю, с распущенными волосами и босой, схватил серебряное блюдо, которое никогда раньше не трогал, потянул его к себе и укусил за палец Лэ Юя, державший печенье с финиковой начинкой. Оба были шокированы.

Сяо Шанли подумал: «Что со мной? Почему я веду себя как трехлетний ребенок в его присутствии!» Он поспешно прополоскал рот холодным чаем и, увидев, что Лэ Юй доел печенье, с досадой и смущением сказал:

— Ты действительно съел печенье, которое я укусил!

Лэ Юй сказал:

— Если бы ты, князь Цзинчэн, когда-нибудь голодал, ты бы понял, что в этом нет ничего страшного.

— Ты...? — Сяо Шанли нахмурился и отступил.

Лэ Юй подошел еще ближе:

— Десять лет назад я поспорил с матерью, что смогу прожить три месяца как нищий, и тогда смогу путешествовать один. Я выиграл.

До двенадцати лет он легко тратил тысячи лян, но только тогда узнал, каково это — быть униженным.

Сяо Шанли фыркнул:

— Неудивительно, что «господин Лин» так хорошо знаком с воровством.

Лэ Юй рассмеялся, и если бы кто-то с острова Пэнлай увидел это, то понял бы, что это плохой знак. Сяо Шанли, все еще противостоя ему, не заметил этого. Лэ Юй сказал:

— Князь Цзинчэн называет меня вором на балке и мелким воришкой. Но если бы я воровал, то воровал бы только ароматы и драгоценности. Так что скажи, считаешь ли ты себя ароматом или драгоценностью, достойной моего внимания?

Он говорил, приближаясь. Сяо Шанли вдруг почувствовал, как его плечо было схвачено, и в испуге попытался вырваться, но его спина все больше прижималась к теплой груди Лэ Юя. Лэ Юй шутливо повернул его руку и смотрел на его лицо, как будто любясь сорванным цветком. Сяо Шанли чувствовал его тело как раскаленный уголь и изо всех сил сопротивлялся, но Лэ Юй лишь крепче обнял его, как будто он сам бросился в его объятия, и сказал:

— У князя Цзинчэна характер и внешность одинаково поразительны.

Сяо Шанли, весь в гневе и смущении, сказал:

— Ты... ты оскорбляешь меня, как ты смеешь!

Лэ Юй ответил:

— Я видел след от пощечины на лице Мо Ецяня. Так что, князь, ты тоже хочешь дать мне пощечину? Или лучше говорить тише — чтобы не привлечь стражу и не сказать, что тебя оскорбил похититель цветов?

Сяо Шанли дрожал от гнева, не в силах произнести ни слова. Его щеки были пунцовыми, а кожа сияла, как розовый жемчуг, действительно прекрасная и живая. Лэ Юй слышал его тяжелое дыхание, и его низ живота загорелся — он больше не мог шутить. Не обращая внимания на его удары и сопротивление, он нежно обнял красавца, отнес его на кровать, укрыл мягким одеялом, а сам вернулся на балку.

Сяо Шанли всю ночь был в смятении и гневе, не мог спокойно спать. Утром, вспомнив наставления своей сестры, он с трудом сказал:

— ...Спустись. Я позволю тебе поесть со мной. Не ходи ночью за печеньем.

Лэ Юй, зная, что он пытается завоевать его расположение, шутливо ответил:

— Спасибо, князь Цзинчэн, но не нужно.

С этими словами он исчез с балки. Сяо Шанли смотрел в окно, и вскоре служанки принесли тазы, полотенца, одежду и обувь для утреннего туалета. За эти дни было много приемов, и везде его встречали с восторгом.

Весь день он не видел владыку острова Пэнлай. Вечером, когда облака стали пурпурно-красными, а на берегу реки стояло несколько дымчатых деревьев, Сяо Шанли приказал передать, что не пойдет на ужин, и сидел у окна, глядя вдаль. Он не знал, что искал, но, просидев всего мгновение, увидел, как к нему приближается маленькая лодка.

За ним стоял телохранитель. Перед тем как отправиться на остров Пэнлай, он оставил часть своих телохранителей в порту. Теперь они снова собрались и следовали за ним. Телохранитель тоже увидел лодку и с беспокойством спросил:

— Князь?

Сяо Шанли ответил:

— Это люди из Павильона Весеннего Дождя, присланные для моей защиты. Хотя я и не люблю людей из мира рек и озер, но, судя по всему, дела мира рек и озер должны решаться людьми из этого мира.

Сказав это, он продолжал смотреть вдаль.

Телохранитель, вспомнив, как князь Цзинчэн после инцидента в Зале Заточки Мечей все больше полагался на Павильон Весеннего Дождя и даже стал более любезен с его хозяином, понял, что к чему, и сказал:

— Хорошо. Я пойду встречу его.

Затем он вышел. На корабле князя Цзинчэна было множество солдат, и чтобы пройти незамеченным, нужно было быть почти младшим гроссмейстером в мире рек и озер. Сяо Шанли сидел на втором этаже и видел, как Лэ Юй поднимается на корабль. Другой телохранитель вошел и спросил:

— Князь, вы останетесь на ночь в городе Цзянчэн?

Сяо Шанли посмотрел на него и не ответил, а вместо этого спросил:

— Все подарки упакованы?

Телохранитель на мгновение замер, как будто принял решение, и затем улыбнулся:

— Да, князь, все упаковано.

Его опущенная рука уже сжимала скрытое оружие. Сяо Шанли вдруг спросил:

— Кто ты на самом деле?

В тот же момент он резко отклонился вправо, освобождая окно, и бросил чашку с чаем вперед. Лицо телохранителя изменилось. Он не успел ответить — чашка еще не упала на пол, как из окна был брошен складной веер. Он увидел белый свет, прежде чем веер, даже не раскрывшись, пронзил его лоб, пройдя сквозь череп.

Группа стражников поспешно вбежала. Лэ Юй же, спеша на помощь, оттолкнул солдат, встал на подоконник и через большое окно вошел в комнату. Два телохранителя наклонились над трупом: лицо, идентичное их товарищу, оказалось маской. На теле нашли множество скрытого оружия и ядов.

<http://bllate.org/book/15272/1348055>